

«Обсценные» раннесредневековые изображения: реальность и языковой конструкт.

Раннесредневековые рельефы сексуальной или обсценной тематики, располагающиеся в романских храмах, до последнего времени не пользовались большой популярностью в искусствоведческих исследованиях. Сотни скульптур с изображениями любовных пар и одиноких эксгибиционистов (как людей, так и зверей), а также отдельных частей тела в Испании, Франции, Великобритании, Швейцарии, Германии и Италии до сих пор не были должным образом классифицированы, описаны и проанализированы. До сих пор не были получены удовлетворительные ответы на следующие вопросы: как они могли вообще появиться в христианских храмах, учитывая отношение Церкви к физической стороне любви, и какую реакцию вызывали у раннесредневекового зрителя?

Одной из причин сравнительного игнорирования данной темы стоит считать отсутствие языка для описания вышеназванных рельефов. Мы не знаем, какой цели они служили, возбуждали или шокировали, смешили или были отвратительны, но для нас они прежде всего непристойны. Естественно, что самой первой стратегией обсуждения таких “непристойных” рельефов было намеренное умолчание, иногда визуальное (цензурирование имеющихся изображений посредством их порчи, зарисовки без шокирующих зрителя деталей). Многие учёные прошлого предпочитали вообще не описывать подобные изображения (Жорж Дюран писал о персонажах из Амьенского собора, что они “делают жесты, от описания которых следует отказаться”) или же использовать язык, понятный лишь профессионалам (так поступал Проспер Мериме, в бытность свою инспектором исторических монументов Франции - доходя в описании убранства церкви до “излишне откровенных” скульптур, он переходил с французского на латынь).

Сегодня мы вынуждены описывать те категории опыта, которые были специфичны для средневековой культуры, с помощью современной медиализированной терминологии, в рамках представлений о сексуальной идентичности, сложившихся совсем недавно. Более того, на современные исследования оказали идеи Бахтина о народной смеховой культуре. Непристойное стало мыслиться, как её часть, и в качестве таковой рассматривается в оппозиции к сакральному. От этого устойчивого представления трудно освободиться даже в тех случаях, когда очевидно, что то или иное изображение является частью официальной иконографической программы, одобренной Церковью.

В своём докладе я хочу указать на необходимость более тщательной классификации рельефов, маркируемых сегодня, как непристойные, по мотивам и локализации в храмах. Возможно то, что сегодня рассматривается в качестве единого массива и темы для исследований, является таковым только в нашем представлении. Скульптуры, которые на самом деле могут относиться к совершенно разным категориям и сюжетам, попали в «обсценную», «непристойную» категорию, и рассуждая о них, как о таковых, используя соответствующий язык, мы теряем понимание того, как они воспринимались в контексте своего времени.